

Шепель Ю. А.,
доктор филологических наук, профессор,
академик АНВО Украины
(Днепропетровский национальный
университет имени Олеса Гончара)

КОГНИТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЛИНГВИСТИКЕ ИЛИ МЕСТО МЕТАФОРЫ В ТЕОРИИ КОГНИЦИИ

Постановка проблемы и обзор публикаций. Центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора – проявление аналоговых возможностей человеческого разума.

Метафору в современной когнитивистике принято определять как (основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. Я беру в скобки слово основную, потому что не все исследователи когнитивной метафоры придают ей статус основной операции.

Важной предпосылкой становления когнитивного подхода к исследованию метафоры стала смена научных представлений о ее онтологическом (метафора – ментальный феномен) и эпистемологическом (метафора – способ познания мира) статусах.

На феномен метафоричности мышления обращали внимание Джамбаттиста Вико, Фридрих Ницше, Айвор Армстронг Ричардс, Стивен Пеппер, Филл Барлетт, Майкл Бердсли, Хосе Ортега-и-Гассет, Эрик МакКормак, Поль Рикёр, Эрнс Кассирер, Макс Блэк, Милтон Эриксон, Джулиан Джейнс и другие исследователи.

Изложение основного материала. Становлению когнитивного подхода к метафоре содействовали не только собственно когнитивно ориентированные исследования. Некоторые положения современной когнитивной теории метафоры были предвосхищены работами в русле традиционной риторики. Так, еще в 1967 году Майкл Осборн указывал на то обстоятельство, что человек склонен метафорически ассоциировать власть с верхом, а все нежелательные символы помещать внизу пространственной оси, что, по сути, соответствует классу *ориентационных метафор* в теории концептуальной метафоры, а в разработанной М. Осборном теории архетипичных метафор просматриваются истоки теории «телесного разума». Подробный анализ «риторических истоков» когнитивной теории метафоры представлен в работах Эдуарда Владимировича Будаева и Анатолия Прокопьевича Чудинова [1; 2].

Когнитивно и риторически ориентированные исследования способствовали становлению когнитивного подхода к метафоре, но именно в

книге Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «Metaphors We Live by» (1980) была разработана теория, которая привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании. Как и их предшественники, авторы постулировали, что метафора не ограничивается лишь сферой языка, а сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [3; 4, с. 25]. Такой подход позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как **феномен взаимодействия языка, мышления и культуры**. В более поздней работе «The Contemporary Theory of Metaphor» Дж. Лакофф строго разграничил метафорическое выражение и концептуальную метафору, подчеркивая, что «локус метафоры – в мысли, а не в языке» [5, с. 203].

Согласно теории концептуальной метафоры в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов – сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур – «схем образов». Метафорическая проекция осуществляется не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми структурами концептуальных доменов. Предположение о том, что при метафорической проекции в сфере-мишени частично сохраняется структура сферы-источника, получило название гипотезы инвариантности (Invariance Hypothesis). Благодаря этому свойству становятся возможными метафорические следствия (entailments), которые в метафорическом выражении эксплицитно не выражены, но выводятся на основе фреймового знания. Таким образом, когнитивная топология сферы-источника в некоторой степени определяет способ осмысления сферы-мишени и может служить основой для принятия решений и действия.

Конвенциональные метафорические соответствия между структурами знаний (концептуальные метафоры) согласованы с определенной культурой и языком. Например, концептуальная метафора ARGUMENT is WAR (СПОР – это ВОЙНА) согласована с базовыми ценностями культуры носителей английского языка. Метафора не столько средство описания спора в понятиях войны, сколько устойчивый способ осмысления спора: можно проиграть или выиграть спор, оппонент воспринимается как противник, спорящие разрабатывают стратегии, занимают позиции, «расстреливают» (shoot down) аргументы противника и т. д. Вместе с тем можно «представить культуру, в которой спор рассматривается как танец, участники – как танцоры, а цель заключается в гармоническом и эстетически привлекательном танце», а не в победе над противником [3, с. 26–27]. Концептуальные метафоры «являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка» [5, с. 210], укоренены в сознании людей и настолько привычны, что нередко не осознаются как метафоры.

Многообразие современных исследований по концептуальной метафоре свидетельствует не только о непрекращающемся, но и растущем интересе к теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Утверждение о том, что концептуальные метафоры охватывают все сферы человеческого опыта и обладают значимым когнитивным потенциалом, на сегодняшний момент подкрепляется многочисленными исследованиями. Особенное распространение получили исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации.

Перспективы применения когнитивных эвристик к политическому дискурсу были намечены Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Помимо общей характеристики теории концептуальной метафоры американские исследователи рассмотрели следствия военной метафоры Дж. Картера и показали, что, казалось бы, совершенно лишняя эмоциональной оценки метафора ТРУД – это РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств, как с рыночной, так и с плановой экономикой.

На современном этапе исследователей метафоры особенно интересуют два типа корреляции метафорических выражений и сознания человека. С одной стороны, корпусные исследования метафор позволяют выявить структуры «коллективного подсознательного», которые не выражены эксплицитно. Например, Анатолий Николаевич Баранов с помощью метафорического анализа показал, что, несмотря на эксплицитное неодобрение взяточничества, российские политики и предприниматели используют преимущественно органистическую метафору и воспринимают взяточничество как естественное положение дел [6]. Этот аспект можно сформулировать как «сознание (подсознательное) определяет метафоры» и соответственно анализ метафор – это анализ концептуальных структур. Вместе с тем прагматический потенциал

метафор сознательно используется, например, в политическом дискурсе для переконцептуализации картины мира адресата. Этот подход можно выразить в формуле «метафоры определяют сознание». Первый аспект рельефно проявляется в исследованиях стертых метафор, второй – при анализе ярких, образных метафор, хотя жесткого разграничения, конечно же, нет.

Исследователи сходятся во мнении, что метафора – значимый инструмент манипуляции общественным сознанием. Вместе с тем, как показал еще Дж. Лакофф, предлагаемые политиками метафоры лишены аргументативной силы, если они не согласуются с концептуальными прототипами того или иного общества. В этом отношении показательна работа Петра Друлака [7–9], в которой автор анализирует кризис словацко-чешских отношений накануне распада Чехословакии.

В целом когнитивный и воздействующий потенциал концептуальных метафор используется в том или ином дискурсе, где частое или даже преобладающее применение одних и тех же базовых образов по отношению к определенным явлениям действительности вырабатывает привычку «видеть» их в задаваемом данными образами русле. Поэтому метафоры в этой разновидности речи являются инструментом осуществления социальной власти и обладают большими возможностями для манипуляции сознанием и поведением.

В рамках когнитивного подхода значительное внимание уделяется языковой деятельности и коммуникации. Изучение метафоры как одного из важнейших когнитивных инструментов коммуникации, позволяющих произвести необходимое упрощение и осмысление чрезвычайно сложных явлений, представляет собой большой интерес не только для лингвистов, но и для юристов.

Характерно, что для выражения системы тех или иных убеждений или суждений с помощью языка возможно частое использование метафор, относящихся к одному семантическому классу. Метафора в этом случае есть одним из средств, обеспечивающих связность естественно-языковых текстов, а также их неразрывность с контекстом. Именно поэтому изучение метафоры имеет ключевое значение для понимания не только особенностей мышления, но и культуры. Систему убеждений трудно отделить от высказываний и текстов, в которых она реализуется. Язык неразрывно связан с человеческим мышлением и познанием – он содействует выработке, укоренению и распространению понятий. Помимо этого интерактивное использование языка представляет собой вид деятельности, сопоставимый по значимости с демонстрацией силы или ее применением. Не обратившись к языку, нельзя вести переговоры, выражать, например, угрозы, которые являются актами, конституируемыми с помощью языка. Подчеркну, что, несмотря на особую значимость изучения

текстов, их дискурс необходимо анализировать как процесс, имеющий коллективно-деятельностную основу. Например, политики так или иначе вынуждены обосновывать проводимую ими политику (перед собой, своим ближайшим окружением, законодательной властью, избирателями и др.). Следовательно, они прибегают к дискурсам, функционирующим в рамках данного общества.

Метафорические выражения являются одним из наиболее важных средств, с помощью которых человеческое мышление формирует представления и производит суждения, относящиеся к пространственному и временному контексту своего существования. Это имеет особое значение для концептуализации абстрактных, малознакомых и сложных предметных областей, к которым могут относиться социальные и политические институты, международные отношения, стратегические доктрины и др. Значимость анализа метафорической концептуализации при исследовании политических процессов и международных отношений определяется тем, что в рамках данного подхода рациональность включается в когнитивные процессы, а эти процессы вливаются, в свою очередь, в совокупность явлений физического и культурного взаимодействия.

Использование метафор в конкретном дискурсе способствует предпочтительной интерпретации определенной ситуации, поскольку метафоры способны содействовать производству, воспроизведению и разрушению политической и социокультурной действительности.

В связи с этим коммуникативная цель метафоры заключается в речевом воздействии с целью формирования у реципиента (индивида или общества) либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятию)

Выводы. Перспективы дальнейшего исследования. Таким образом, когнитивный подход к анализу коммуникации занимает ведущее положение в современной лингвистике (и юридической), но очень многие аспекты когнитивной теории по-прежнему остаются дискуссионными. Метафора в том или ином дискурсе является одним из наиболее эффективных средств речевого воздействия на адресата (реципиента) с целью «вторжения» и «завоевания» его концептуально-дискурсивной сферы для дальнейшего ее использования в какой-либо деятельности и создания положительного или отрицательного для реципиента контекста при речевом общении.

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Методические грани политической метафорологии / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – Выпуск (1)21. – Екатеринбург, 2007. – С. 22-31.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе: Монография / Э. В. Бадаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – 215 с.

3. Лакофф Джордж, Джонсон Марк Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.
5. Lacoff G. *The contemporary theory of metaphor* / G. Lacoff // *Metaphor and thought*. Second edition [Ed. by Ortony A.] – New York : Cambridge University Press, 1993. —P. 202—251.
6. Баранов А. Н., Михайлова О. В., Сатаров Г. А., Шипова Е. А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / Баранов А. Н., Михайлова О. В., Сатаров Г. А., Шипова Е. А. – М. : Фонд ИНДЕМ, 2004. – 94 с.
7. Drulák P. Co nam metaforý mohou říci o politice? // *Mezinárodní Politika*. – 2005a. – № 2.
8. Drulák P. Identifying and assessing metaphors: the discourse on European future // eis.bris.ac.uk/~potfc/Granada/Papers/Drulak.pdf – 2005a.
9. Drulák P. *Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identity* // www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc – 2005b.

Гавеля О. М.,
кандидат педагогічних наук, доцент,
професор кафедри публічного
управління і гуманітарних наук
(*Національна академія керівних кадрів
культури і мистецтв*)

ІНТЕРПРЕТАТИВНИЙ ОБРАЗ «ДЕРЕВА РОДУ» В КУЛЬТУРНІЙ ПАРАДИГМІ СУЧАСНОГО УКРАЇНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА ТА В ІНДИВІДУАЛЬНІЙ ТВОРЧОСТІ ОБДАРОВАНОЇ ОСОБИСТОСТІ

Досліджувана нами проблема культурних цінностей обдарованої особистості, побудована на ідеї культурних стилів, пов'язаних з існуванням відповідності між ступенем диференціації на рівні культури і на рівні особистості, що яскраво виявляється в інтерпретаціях образу «Дерева роду» обдарованими митцями сучасного українського суспільства.

У контексті теологічної і феноменологічної теорій П. Флоренського і М. Шелера, теорії голографічної будови Всесвіту і мозку людини фізиків Д. Бома, Б. Джезэфсона і нейрофізіолога К. Прайбрама духовність розглядається як найважливіша сутність обдарованої особистості, яка має досліджуватися темпорально, тобто з позицій націленості в минуле, сучасне і майбутнє; як основна змістовна складова її культурних цінностей, яка здатна змінювати історію і культуру людства; як ознака, в яку епоху людський розум перебуває в стані гармонії або розладу з Істиною та Всесвітом.

Макс Шелер визначає духовність як найважливішу сутність людини. На думку науковця, у середині кожної людини прихована здатність до досягнення істини, яка дозволяє спиратися на особливий інтуїтивний дар і вміння